

ЭФОРУМ

№ 4 (10) октябрь, 2008 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2 **УЗНАЕМ**5 **УЧИМСЯ**9; 11 **ШУТИМ**15

 Образование в стиле
 постмодерн. Интервью
 с Сергеем Медведевым

 Здесь ел Бенджамин
 Франклин

Учиться у Природы

 Путевые заметки лягушки-
 наукопутешественницы

 Азбука экономсоциолога
 (Продолжение)

Уважаемые читатели!

Мы открываем новый сезон бюллетеня «ЭСФорум» 2008/2009. Открытие пройдет под знаком постмодернистского лета. Именно этот образ летнего калейдоскопа запечатлен на страницах нашего октябрьского номера, поскольку большинство статей, в той или иной степени, имеют отношение к постмодернизму и летнему отдыху (постмодернистов и не только).

В рубрике «Знакомимся» мы публикуем интервью «Образование в стиле постмодерн» с профессором кафедры прикладной политологии ГУ ВШЭ Сергеем Медведевым, в котором он рассказывает нам о своем постмодернистском подходе к жизни, науке и творчеству.

В рубрике «Узнаем» мы представляем перевод эссе профессора социологии Университета Пенсильвании Дэвида Грациана с интригующим названием «Здесь ел Бенджамин Франклин». В своей работе профессор Грациан ищет ответ на вопрос: откуда возникают национальные кухни? Ведь нельзя же, оказавшись в Италии, не попробовать настоящую итальянскую пиццу или ризотто! (И впоследствии не задуматься, а чем она все-таки отличается от московской пиццы.)

В рубрике «Учимся» вы найдете заметки о двух научных мероприятиях, состоявшихся этим летом. В первой магистрант факультета социологии Дмитрий Крылов рассказывает о том, как прошла русско-финская летняя школа в Лапландии, организованная уже упомянутым профессором Сергеем Медведевым. Во второй аспирантка кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ Елена Александрова делится своими впечатлениями об участии в ежегодной конференции научно-исследовательской сети по экономической социологии Европейской социологической ассоциации. Конференция проходила в старинном городе Кракове.

И наконец, в рубрике «Шутим» продолжается знакомство с Азбукой по экономической социологии от профессора В.В. Радаева. (Начало смотрите в предыдущем номере «ЭСФорума». 2008. № 3.). Здесь представлены буквы: И, К, Н, Х, Э.

Создатели «ЭСФорума»

Образование в стиле постмодерн

Сергей Медведев

к.и.ст.н., профессор кафедры
прикладной политологии
ГУ ВШЭ

Медведев Сергей Александрович окончил факультет журналистики МГУ, учился в Карловом университете в Праге, получил степень магистра (международные отношения) в Колумбийском университете и защитил кандидатскую диссертацию в Институте Европы РАН. В ГУ ВШЭ он читает несколько курсов на факультете политологии, является зам. декана по международным проектам, преподает в Школе российских исследований.

В 2006 г. Сергея Медведева пригласили выступить на киносеминаре «Рождественская трилогия "Герои нашего времени"». С тех пор он является постоянным участником киносеминаров, организуемых ЛЭСИ.

– **Ваша биография и профессиональная деятельность – яркий пример реализации, так скажем, междисциплинарного подхода. Расскажите, почему Вы выбрали именно этот тип обучения и работы? В чем его, с Вашей точки зрения, преимущества?**

– Речь идет о типе личности, типе научного знания; я представляю личность, наверное, постмодернистского склада. В постмодернизме существует метафора дерева и грибницы, ризомы¹; так вот моя картина мира

строится по принципу ризомы – по сетевому принципу.

Конкурентное преимущество состоит в том, что мне удается «сшивать» разные области знаний. Изначально мой взгляд на мир «сетевой», и у этого есть свои плюсы и минусы. Минус, например, в том, что в некоторых областях мне, может быть, не достаёт фундаментальности. Плюсы же заключаются в сильном коммуникационном посыле и ощущении связующей идеи. Для разъяснения приведу цитату из Лао-Цзы. Как-то его ученик сказал: «Лао-Цзы, Вы такой умный и начитанный человек!». На это Лао-Цзы ответил: «Я не умный и не начитанный, просто я понял ту нить, которая связывает все остальное». Для меня это образец – тот тип знания, к которому нужно стремиться.

– **Действительно, у Вас сложноставное образование. Каждый этап обучения был связан с новой областью знания: журналистикой, международными отношениями, историей. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.**

– Изначально я журналист: начинал свое образование на журфаке МГУ, специализировался на международной журналистике. Позже мое обучение стало выливаться в более академичные формы: журналистика постепенно перетекла в историю, затем – в международные отношения. Потом история и международные отношения «скрестились» в моей диссертации по культурологии европейского проекта, посвященной тому, как европейская интеграция выросла из средневекового христианства.

Мое образование получилось разнообразным – «с миру по нитке». Сначала журфак МГУ, который дал мне не столько журналистское, сколько прочное филологическое образование. Я очень ценю университетскую филологическую закваску: десять се-

местров изучения русской литературы, десять семестров – иностранной литературы, десять семестров – русского языка, стилистики, грамматики, и т.д. Для меня чрезвычайно важны язык и литература; и вообще текст, ощущение текста, его анализ для меня первичны.

В МГУ я был студентом международного отделения, и на последнем курсе мы все должны были учиться за рубежом. Поскольку в течение четырех лет я изучал чешский язык, то на пятый год поехал в Прагу. Там я уже занимался чисто историческими вопросами – историей послевоенной Чехословакии 1945–1948 гг. Позднее стал работать в сфере политического анализа.

По окончании университета у меня были два предложения: работа в ТАСС, в американской редакции, и аспирантура философского факультета МГУ – поскольку я активно участвовал в студенческом научном обществе. Вот такой разброс: политическая журналистика и аспирантура философского факультета. Я же выбрал некую медиану – Институт Европы РАН. Здесь мы впервые встретились и начали работать вместе с Сергеем Карагановым². Директором института был В.В. Журкин, зам. директора – С.А. Караганов, а я стал буквально первым научным сотрудником.

Здесь у меня особое мнение. Наша сфера – сфера политических исследований, международных отношений – это нечто среднее между наукой и журналистикой. Я, конечно, понимаю, что сейчас скажу что-то, что вызовет неодобрение многих из своих коллег, которые говорят, что политология – очень строгая наука, *strengere Wissenschaft*, по Гуссерлю. Я же оцениваю ее иначе. Я понимаю, что существуют количественные методы исследования, статистика. Они широко применяются, особенно в американской традиции. Но я лич-

¹ Ризома (фр. rhizome – корневище) – понятие философии постмодерна, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари (*Rhizome*, 1976) и «фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности». Принципиальное отличие ризомы от дерева с его стволом и корнями заключается в том, что она может развиваться как угодно и принимать любые конфигурации. См.: Грицанов А.А. и др. История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис, 2002.

² Караганов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики, декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, заместитель директора Института Европы РАН.

Участники второй школы в Лапландии, 2007 г. Фото А. Захаренко.

но рассматриваю политологию как продвинутый вариант политической журналистики. Самые интересные тексты, идеи и, так скажем, открытия, совершенные в этой науке, делались именно на грани публицистики и эссеистики. Идеи, которые переворачивали политологию, приходили из очень широких, культурологических дискурсов. Я вижу политологию далеко продвинутой, но тем не менее продолжением журналистики.

– На факультете политологии Вы читаете два курса: «Теории социально-политических трансформаций: Модерн и Постмодерн» и «Российское пространство и российское государство»³. Судя по учебным программам, их основная цель заключается в применении междисциплинарного подхода?

– Да, базовых курса два: для бакалавров и для магистров. Еще я читаю курсы на английском языке. Например, в Школе российских исследований я преподаю «Теорию российского пространства»⁴. Изначально все мои курсы планируются исключительно как междисциплинарные. «Теория российского пространства», наверное, лучше всего это отображает. С осени это будет курс по выбору для студентов четвертого года обучения факультета политологии, я буду читать его на английском языке.

³ Подробную информацию о курсах можно найти на сайте ГУ ВШЭ: <http://www.hse.ru/org/persons/67402/index.html>.

⁴ Школа российских исследований ГУ ВШЭ: <http://new.hse.ru/sites/srs/default.aspx>.

Берется некая метаидея, заключающаяся в том, что все в России – вся наша история, культура, наш менталитет – объясняется взаимодействием пространства и государства, т.е. власти и территории. Я понимаю, что это – упрощение, но в качестве гипотезы допускаю, что есть мужское начало – власть и женское начало – пространство; эти Инь и Ян взаимодействуют и формируют всю российскую историю, политику, экономику. И каждая лекция курса, точнее, каждая учебная неделя – это взгляд на рассматриваемый вопрос с позиции новой дисциплины. Одна неделя – с точки зрения политэкономии: каким образом формируются экономические структуры, которые позволяют существовать этому пространству. Затем две недели – с позиций политики: каким образом наша политическая культура сформирована нашим пространством. Третья неделя – «административная»: способы административного управления пространством, губерниями, территорией; административный рынок Симона Кордонского, и т.д. Четвертая неделя посвящена социологии и культурологии: идея Культуры Один и Культуры Два⁵; «растекание» людей по прост-

⁵ Понятия, введенные В. Паперным в работе «Культура Два», служат для обозначения двух типов культур, которые, по мнению автора, чередуются, сменяя друг друга в российской истории. Изменения в культуре, искусстве, общественной жизни носят, таким образом, циклический характер. Два типа культур характеризуются набором оппозиций: *горизонтальное и вертикальное, равномерное и иерархическое, растекание и затвердевание, «разбегание населения по стране и попытки правительства остановить его с помощью архитектуры»* и т.д. «Культура один» описывается Паперным на основе материалов об искусстве и деятельности государственной власти в 1920-х гг.; «культура два» – на основе материалов о 1930–1950-х гг. См.: Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

ранству и их «замораживание» в пространстве; разные типы социально-пространственного действия. Следующая неделя – семиотика пространства, еще одна неделя – психоанализ пространства. «Теория российского пространства» – это типичный междисциплинарный курс. В своем максимуме он объединяет, скажем, двенадцать абсолютно разных дисциплин: от политэкономии до культурологии, семиотики и психоанализа.

– Как студенты воспринимают курс, организованный таким образом? Не тяжело ли им его осваивать?

– Хорошо воспринимают. Не тяжело. Я бы сказал, что это даже интересно. Опять-таки во всем есть свои плюсы и минусы. Естественно, с точки зрения фундаментальной науки меня можно упрекнуть. Однако политология – очень молодая и неопределенная наука; она постоянно балансирует на грани между политаналитикой, служебной запиской, газетной или журнальной статьей. И потому такой подход допустим. В общем, студенты хорошо воспринимают этот курс. По крайней мере, я стараюсь читать его интересно и живо.

– Преподаваемые Вами дисциплины предназначены для студентов старших курсов?

– Да, всегда. На младших курсах я никогда не читал подобных дисциплин. Я преподавал также в Финляндии, Америке, Германии, и это всегда был уровень как минимум четвертого или пятого курса: бакалавры, магистры. Читал я их и в летних школах, т.е. на уровне постобразования.

– Все дисциплины, которые Вы включаете в курс, должны быть уже пройдены студентами?

– Да, так скажем. Впрочем, даже если они и не изучали какие-то из этих дисциплин... Ведь в гуманитарном

знании все дается настолько интуитивно... Ну, не слушал студент раньше курс теоретической социологии, а я использовал какие-то концепции из этого курса, и он может что-то не понять. Но ничто не мешает ему записать, спросить, посмотреть в Интернете, в энциклопедии и т.д. Повторю: гуманитарное знание не «древесное», оно – «сетевое», и оно «подтягивается». Как компьютеры через сеть подкачивают ресурсы, так и ты идешь по гиперссылкам. И я так работаю – «по гиперссылкам».

– Летняя школа, которую Вы проводите⁶, организована по такому же принципу? В ней участвуют студенты самых разных факультетов?

– Да, в этом году в школу поехали студенты практически всех факультетов «Вышки»: политологии, социологии, бизнес-информатики, мировой экономики, ГМУ, и др. Школа междисциплинарная, и политика – некий общий лейбл, под которым объединены очень разные вопросы. Основная тема в этом году – экология, но под различными углами зрения: здесь и проблема идентичности, и культурная антропология (например, проблемы выживания местных народов Севера), и геополитика, и чистая политология (скажем, идея экофашизма), и какие-то биологические проблемы⁷.

Еще одна тема, которую я очень люблю и которой занимаюсь все больше и больше, – это анализ проблем на основе художественных текстов, в моем случае – кино. В летней школе практически каждый вечер мы смотрим фильм про Север, обсуждаем его, что выводит нас на новые проблемы. Все фильмы художественные, а анализ – социологический, текстологический и чисто киноведческий.

– Получается, что кино – «удобный» материал для применения междисциплинарного подхода?

– Очень. Фантастически. Наверно, самое интересное из того, что я делаю в своей преподавательской деятельности, – это анализ фильмов. Заниматься этим я начал с момента проведения летних школ для иностранцев, показывая им какие-нибудь наши фильмы, которые они могли понять. Например, я люблю фильмы Александра Рогожкина. Мы их обсуждали с Вадимом Радаевым на киносеминарах. Собственно говоря, это скорее радаевская идея: он начал приглашать меня на свои мероприятия, я стал писать какие-то комментарии, участвовать в дискуссиях.

Правда, на киносеминарах Радаева аудитория продвинутая, но, мне кажется, что можно и людям, менее знающим, в том числе Россию, показывать фильмы «с нуля». Я вижу, что это срабатывает. Берем, например, фильм Рогожкина «Особенности национальной рыбалки», смотрим его с субтитрами и потом устраиваем двух-трех часовую дискуссию и полностью расписываем большую доску. В результате получаем и семиотическую карту фильма, и все культурные контексты, и социальную картину российского общества, которая стоит за этим фильмом. Например: что такое водка для России? как водка тянет за собой определенную культуру разговора, молчания, коммуникации? как водка становится универсальной ценностью? Далее выходим на проблему духовности, «особости» России. С фильмом связан не прекращающийся поток идей и ассоциаций. Живые образы и идеи, стоящие за этими образами, гораздо легче усваиваются и перевариваются особенно человеком «со стороны». Например, американскими студентами, приехав-

шими в Москву на занятия в летней школе.

– А в «Вышке» Вы будете читать курс на основе фильмов?

– Честно говоря, сейчас я не уверен в том, что он будет хорош для российских студентов. Пока я собираюсь читать такой курс осенью в Академии народного хозяйства студентам из Стэнфорда. Он называется «Images of Russia in Post-Soviet Film» – образы России в постсоветском фильме. Я рассматриваю двенадцать фильмов, в каждом из которых раскрывается мифология России.

Вместе с тем я вижу огромный педагогический и методический потенциал в том, чтобы, скажем, какие-то курсы делать полностью на основе фильмов. В «Вышке» курсы о кино читают Наталья Самутина, Игорь Кокарев⁸ – продвинутые киноведы, профессионалы. Я же, по сути, любитель и с большим интересом наблюдаю за тем, что они делают, но сам имею в виду не киноведческие курсы, а учебные курсы по политике, социологии, философии и т.д., которые полностью строились бы на основе кино (их можно также строить на анализе литературы или даже живописи). Но в любом случае, когда в качестве домашнего задания ты не только читаешь тексты, но и смотришь фильмы, думаешь над ними, это безумно интересно.

Беседовала Мария Правдина

⁶ Летняя школа в Лапландии. Место проведения – биологическая станция Хельсинкского университета Килписъярви в финской Лапландии. Рабочий язык – английский. Школа междисциплинарная, к участию в ней приглашаются студенты всех факультетов ГУ ВШЭ.

Первая школа состоялась летом 2007 г., ее основные темы: «Европа и Россия: пределы интеграции», «Модерн и постмодерн в политике», «Политика идентичности» и др. См.: http://p1.hse.ru/temp/2007/09_11_medvedev.shtml.

⁷ Вторая школа работала в августе 2008 г. В ней приняли участие студенты различных факультетов ГУ ВШЭ. Обсуждались такие темы, как «Политика постмодерна», «Ландшафты и границы», «Идентичность и "зеленый дискурс"», «Эко-державы Финляндия и Норвегия», «Коренные народы Севера: тактика выживания» и проч. См.: <http://d1.hse.ru/org/hse/studentlife/news/1157195.html>.

⁸ Самутина Наталья Владимировна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований. В ГУ ВШЭ читает несколько курсов, среди которых два гуманитарных факультатива, посвященных анализу кино, – «Кино в культуре XX века», «Анализ фильма и современные гуманитарные исследования». См.: <http://www.hse.ru/org/persons/140240/index.html>.

Кокарев Игорь Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной политологии ГУ ВШЭ, читает курсы «Кинематограф как инструмент политики» и «Контент-анализ кинематографа и общественные настроения». См.: <http://www.hse.ru/org/persons/67480/index.html>.

Дэвид Грациан

профессор социологии
Университета Пенсильвании, США

Перевод Зои Котельниковой

Здесь ел Бенджамин Франклин¹

Подъем мирового капитализма вызвал свою собственную негативную культурную реакцию, когда локальные субкультуры в соответствии с их символической властью стали переоцениваться в качестве (кажущихся подлинными) объектов культурного значения и культурной деятельности². Как показывают Грисволд и Райт³, региональная культура не противостоит глобальной культуре, но, напротив, является ее неотъемлемой характеристикой. Возросшая мобильность населения способствовала появлению нового класса мигрантов, перемещающихся в пространстве в поисках признаков локальной идентичности, которые местные жители попросту не замечают. Грисволд и Райт называют этих людей, проникших в данную местность, «воловыми птицами»⁴ – любопытными натурами, которые усваивают региональную особенность посредством потребления символов местности, главным образом потому, что они не могут воспринимать их локальную идентичность как нечто само собой разумею-

щееся. Таким образом, они поддерживают потребительскую ориентацию туриста, которая по большому счету есть проявление нормативного подхода к познанию нашего постмодернистского мира⁵.

В попытках привлечь этих «потребителей местности» Филадельфия конкурирует в мировой культурной экономике, рекламируя свои локальные символы аутентичности и мифологии. Город, провозгласивший себя местом рождения американской демократии, использует свое революционное (порой выдуманное) историческое прошлое в качестве основного средства притяжения как туристов, так и местных жителей к известным во всем мире достопримечательностям: Индепенденс-Холл, Дом-музей Бетси Росс (на самом деле, возможно, и не являющийся домом Бетси Росс, которая на самом деле, возможно, и не шила первый американский флаг) и Колокол Свободы. Эти исторические памятники представляют священную землю патриотов, а обновленные бульжные мостовые и ставшие уже привычными повозки, запряженные лошадьми, функционируют как хорошо поставленная театральная сцена. Центр города изобилует тотемами реального и вымышленного культурного наследия: величавый Госпиталь штата Пенсильвании, основанный Бенджамином Франклином; ветхий дом Эдгара Аллана По; лестница Филадельфийского художественного музея, где, чтобы стать чемпионом, тренировался Рокки Бальбоа; отголосок совсем недавнего прошлого – здание Института Церкви моряков (the Seaman's Church Institute), которое известно младшему поколению скорее как роскошная резиденция телевизионной студии псевдореалити-шоу «MTV Real World: Philadelphia».

Но лишь немногим достопримечательностям, даже если их посчитают подлинными, удастся приблизиться по уровню символической значимости к городской высококалорийной пище: пенсильванскому голландскому мягкому кренделю; огромному итальянскому сэндвичу из целой булки с мясом, сыром и помидорами; освежающему фруктовому сорбету; самому популярному местному блюду – чизстейку «Filly». Ммм, превосходный сэндвич из мяса, приготовленного на гриле, с пассерованным луком и сырным соусом «Cheez Whiz» внутри мягкой и тягучей итальянской булки – это поистине вкус самого города.

¹ Grazian D. Benjamin Franklin Ate Here // Newsletter of the Sociology of Culture Section of the American Sociological Association. 2005. Vol. 19. No. 3 (<http://www.ibiblio.org/culture/newsletter-archive/cult193.pdf>).

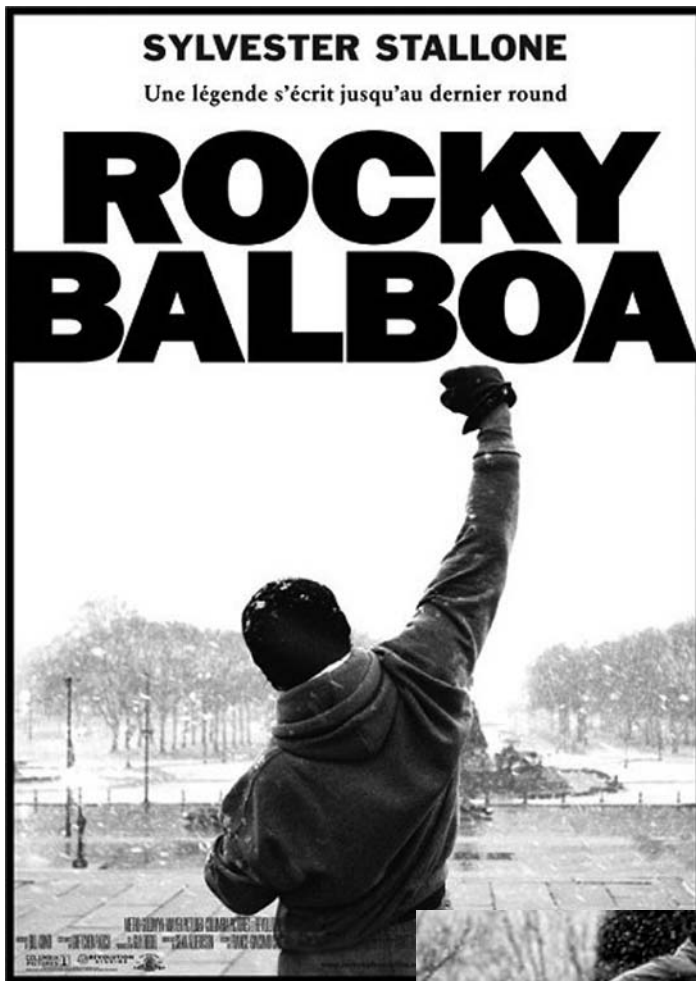
² Grazian D. Blue Chicago: The Search for Authenticity in Urban Blues Clubs. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

³ Griswold W., Wright N. Cowbirds, Locals, and the Dynamic Endurance of Regionalism // American Journal of Sociology. 2004. 109. P. 1411–1451.

⁴ «Некогда на бескрайних просторах североамериканских прерий странствовали тысячные стада бизонов. Их сопровождали небольшие, чуть крупнее воробья, насекомоядные птицы, освобождая гигантов от многочисленных паразитов, живущих в их густой шерсти. За симбиотические отношения с крупными копытными эти пернатые получили название воловьих птиц. Бизонам морозы не страшны. Но маленьким птичкам нужна норка или гнездо, чтобы прятаться от холода зимой в суровые ветреные ночи.

Что же делать птицам, постоянно путешествующим вслед за стадами бизонов с места на место? Ответ: птицы проделывали норки в густой шерсти своих четвероногих подопечных и обогривались их теплом» // Сергеев Б.Ф. Жизнь лесных дебрей. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 121 (http://www.trizway.com/art/book/3_3.html – Примеч. пер).

⁵ MacCannell D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. N.Y.: Schocken, 1976.

Здесь перед социологами культуры встает интересный вопрос: откуда возникает национальная кухня? Или точнее: как специфические блюда начинают ассоциироваться с конкретным географическим местом, регионом или краем?

Конечно, в некоторых случаях это можно объяснить экологией: картошку выращивают в Айдахо; крупный домашний скот разводят на среднем Западе; сироп для блинов готовят из сока кленов, растущих в штате Вермонт.

Однако кроме этого очевидного и лежащего на поверхности аргумента существует и еще один, более социологический: символическая связь между национальной кухней и той или иной местностью есть результат культурного труда, осуществляемого на полях гастрономической индустрии (практиками, «культурными» авторитетами, среди которых журналы, критики гастрономии, известные шеф-повары, писатели-путешественники, различные оценивающие комиссии, присуждающие всевозможные награды, научные сотрудники), а также коммерческих интересов⁶.

Следуя этой логике, даже наиболее очевидные и неоспоримые обозначающие местности, если их функция состоит в поддержании отличительных черт популярных социальных фактов, с высокой долей вероятности окажутся мастерски сфабрикованными и будут находиться под надежной охраной несмотря на все рацио-

нальные доводы. Например, большинство местных жителей с пеной у рта будут доказывать, что настоящий филаделфийский чизстейк должен подаваться с сырным соусом «Cheez Whiz», не взирая на тот факт, что первые чизстейки продавались в Филадельфии еще в 1930-х гг. в благополучно сохранившихся с того времени закусочных «Pat's», а соус «Cheez Whiz» (возможно самый искусственный из всех существующих продуктов) появился лишь в 1952 г., к тому же в Канаде.

Добавим, что не все локальные традиции оказываются одинаково знаменитыми; по мнению Гари Алана Файна⁷, историческое наследие есть социально конструируемый феномен, и определяется он главным образом действиями авторитетных предпринимателей, занимающих высокие позиции во власти, у которых есть мотивация поддерживать одни определенного рода идеологические притязания, нивелируя при этом другие. По этой причине лишь некоторым блюдам удастся привлечь внимание широкой кулинарной общественности, в то время как остальные держатся местными жителями в секрете. Вот почему в Чикаго на Белмонт авеню любой может заказать сырный бифштекс «Filly», а в Филадельфии никто не слышал о чикагской говядине по-итальянски (хотя в Филадельфии вы можете найти традиционный чикагский хот-дог с говядиной по-венски, а также посетить чикагскую сеть стейк-хаусов «Morton»). Эти мифы о местности приобретают еще больший резонанс, если они гармонично

встраиваются в то, что Джеральд Саттлз называет «накопленной текстурой» локальной культуры того или иного города или региона⁸. Например, всем известно, что мороженое «Ben and Jerry» производится в Вермонте; но не только потому, что компания рекламирует свою продукцию как «Лучшее из Вермонта», но и потому, что Вермонт имеет славу молочно-

го штата (примером служит вермонтский сыр чеддер), а также является бастионом сентиментальности – альтернативной контркультуры, легко улавливаемой производителями мороженого и передаваемой ими в различных вкусах и ароматах вместе с нелепыми названиями типа: «Cherry Garcia», «Wavy Gravy», «Phish Food», «Dave

⁶ Fine G.A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors, and Images of President Harding // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 101. P. 1159–1193; Fine G.A. *Kitchens: The Culture of Restaurant Work*. Berkeley: University of California Press, 1996; Ferguson P.P. A Cultural Field in the Making: Gastronomy in 19th Century France // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104. P. 597–641; Ferguson P.P. *Accounting for Taste: The Triumph of French Cuisine*. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

⁷ Fine G.A. *Kitchens: The Culture of Restaurant Work*. Berkeley: University of California Press, 1996.

⁸ Suttles G.D. The Cumulative Texture of Local Urban Culture // *American Journal of Sociology*. 1984. Vol. 90. P. 283–304.

Matthews Band Magic Brownies», и «Karamel Sutra» (ну и, конечно, же «The Full VerMonty»).

А поскольку все это с трудом сочетается с доминирующими образами «города братской любви», лишь немногие любители мороженого связывают данный десерт с урбанистической культурой Филадельфии; несмотря на то что механическая мороженица со специальной закручивающейся вручную крышкой была изобретена именно здесь в 1843 г. Компания «Breyers Ice Cream» была основана в Филадельфии в 1866 г. Мороженое «Bassett» здесь производят с 1893 г., соду с мороженым изобрели случайно в выставочном центре Института им. Франклина в 1894 г. Хотя очевидно, что мороженое «по-филадельфийски» (которое является полной противоположностью французскому крем-мороженому) хорошо известно ценителям кондитерского дела, и на упаковках оно обозначается брендом «Turkey Hill», однако эта торговая марка не имеет такого культурного резонанса, как суп из моллюсков Новой Англии, куриные крылышки из г. Баффало, или чикагская пицца (приготовленная в глубокой сковороде или на противне). (Напротив, филадельфийское мороженое больше известно как нью-йоркское или просто американское мороженое).

А чизстейк «Filly» преуспевает в качестве локального культурного символа, поскольку ему удалось вплестись в идеализированный гобелен городского наследия рабочего класса, одной из самых известных репрезентаций которого в современной памяти служит вымышленный образ города – итальянский Жеребец, Рокки Бальбоа. Со временем в Филадельфии появилось много ритуалов, связанных с тем, как «надлежит» заказывать чизстейк, вынуждающих покупателя (пролетария и не только) подчеркивать свою приобретенную опытным путем уверенность, напористость и твердость убеждения в том, что «Whiz wid» означает стейк с сырным соусом «Cheez Whiz» и жареным луком. Если вы на самом деле знаете, что для вас хорошо, то лучше не спрашивайте, что значит «widout». Парни, толпящиеся в очередях у закусочных «Pat's», – филадельфийский ответ герою по прозвищу «Soup Nazi» из шоу «Seinfeld»⁹. Вы понимаете, о чем я?

Местные кухни, слышущие «аутентичными» внутри их собственных культурных полей, могут быть двух видов: «домашними» и «коммерциализированными». Некоторые блюда – «бабушкин» куриный бульон, соус для барбекю по специальному «папиному» рецепту, «мамины» шоколадные печенья в виде фишек – считаются аутен-

тичными только, если они приготовлены в домашних условиях; при этом их бесчисленные ресторанные аналоги, лишенные домашнего тепла, любви и заботы, оказываются поводом для насмешек или, что еще хуже, мишенью для гнилых помидоров. Обычно процесс приготовления таких блюд окружен богатым семейным фольклором: рецептами, передающимися из поколения в поколение, и памятными блюдами, приготовленными почтенными родственниками. Хотя эти сентиментальные деликатесы производятся в домашних условиях непрофессионалами, зачастую они ценятся гораздо выше, чем их коммерческие копии, и более того, массовые или даже высококачественные версии таких домашних блюд могут с легкостью быть осмеяны за их претенциозность. (О бесчисленных проявлениях указанного кулинарного тренда в гей-клубах Чикаго читайте в моей книге «Blue Chicago»¹⁰.)

И наоборот, некоторая пища, которую мы привыкли покупать, считается аутентичной только, если она приготовлена в коммерческих целях. Лишь немногие из нас сегодня у себя на кухне готовят чизстейк, пиццу в глубокой сковороде, мягкие соленые крендели и маковые бейглы, или используют передаваемые в течение столетий семейные рецепты. Приведенные примеры – свидетельство тому, что именно коммерческая еда, покупаемая потребителями, считается подлинной. Более того, коммерческой еде, такой как нью-йоркский бейгл и нью-йоркское мясное ассорти, филадельфийские рогалики, чикагские хот-доги, намного легче приписать устойчивую локальную идентичность, чем домашней еде, поскольку городские забегаловки менее мобильны, чем их жители. Хотя кто-то может с этим поспорить и сказать, что настоящая негритянская еда есть не только на Юге, но и в северных городах, где проживает большая доля черного населения, как например, в Филадельфии. Тем не менее магазины, продающие бейглы, и гастрономы всего земного шара испытывают пиетет именно перед Нью-Йорком; чизстейки носят лейбл «Filly» почти на всей территории США, что сопоставимо с популярностью сети «McDonalds». Интерес к установлению монополии на аутентичность служит ключевым мотивом для локальных коммерческих фирм в их стремлении рекламировать себя в привязке к определенной местности. Вот почему филадельфийцы утверждают, что за пределами города по определению невозможно купить настоящий чизстейк «Filly»; жители Нью-Йорка сетуют на то, что за пределами его пяти районов они не могут найти настоящий бейгл. (Позволю себе напомнить лишь тот факт, что самые лучшие «нью-йоркские» бейглы производятся по другую сторону реки Гудзон – в Нью-Джерси.) В отличие от коммерческих предприятий, местные жители слабее мотивированы (не буду указывать на то, что у них и меньше средств) отстаивать свои традиции в привязки к определенной местности – при этом легко можно оспорить аутентичность некоторых национальных, региональных или этнических домашних кухонь (к примеру, «бабушкин» рецепт сицилийского то-

⁹ «Один эмигрант, которого герои сериала прозвали Soup Nazi, открыл в Нью-Йорке небольшой ресторанчик, где готовил по уникальному рецепту изумительный и при этом очень дешевый суп. Спрос на этот продукт был таков, что у входа в ресторанчик всегда стояла длинная очередь. Это было бы еще терпимо, если бы не почти "нацистские" (по мнению героев) порядки, которые владелец ввел в своем заведении. Любое, самое незначительное нарушение правил поведения в ресторане приводило к незамедлительному удалению нарушителя из помещения без права пользоваться услугами ресторана в течение одного года. Наказание сопровождалось грозным возгласом хозяина: "No soup for you! NEXT!"» // <http://www.itech-bridge.com/forum/index.php?showtopic=22453> – *Примеч. пер.*

¹⁰ Grazian D. Blue Chicago: The Search for Authenticity in Urban Blues Clubs. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

матного соуса из «Старого Света»). Конечно, такие дубликаты могут добиться успеха за границей при условии, что их аутентичность, как считается, может быть перенесена (с другой стороны, вряд ли сами итальянцы признают этот сицилийский соус аутентичным, поскольку помидор был завезен в Европу из «Нового Света» только после завоевания Испанией Мексики в 1519 г.).

Конечно, ожесточенные споры по поводу локальной аутентичности ведутся и в пределах городских границ: должно ли мясо в чизстейке быть порезано тонкими ломтиками или порублено кусочками? должна ли булочка быть мягкой или с хрустящей корочкой? подают ли самый лучший в городе чизстейк в южной части Филли в «Pat's» на Девятой улице и в «Passyunk» или в северо-восточной части города в «Chink's» на Торресдейл авеню? предназначены ли чизстейки, которые продаются в центре на рынке «Reading Terminal Market»¹¹, только для туристов, или они по-настоящему хороши? Но лишь одно определено: самый дорогой сэндвич в городе вы найдете на площади Риттенхаус в уважаемом ресторане «Barclay Prime» – здесь подают чизстейк за 100 долл. США с «мраморным» мясом из Кобе¹², пассированной фуа-гра (вместо которой с недавних пор – после протестов защитников животных – рестораторы стали подавать лобстеров), тонко порезанными трюфелями, луком под карамелью и расплавленным итальянским мягким сыром «Таледжио» в сдобной бриоши и с приветственной бутылочкой шампанского. Вы понимаете, о чем я? ☞

¹¹ Историческое место – сельскохозяйственный рынок в Филадельфии.

¹² «Мраморное» мясо имеет 120 разновидностей, каждая из которых носит название той деревни, в которой производится. Например, «Кобэ-гю» – сорт из столицы японского «мраморного» мяса – города Кобе. Мясо получается нежным, тающим во рту как масло, а прожилки смотрятся не полосками, а настоящим мраморным узором. В Японии существует даже поговорка: «Для мяса из Кобе не нужно иметь зубов». Это самое дорогое мясо в мире – порция стоит от 150 до 300 долл. (ресторан «Ирория» в Кобе) // <http://www.pir.ru/article.asp?ArticleID=479> – Примеч. пер.

Рецензия

Рецензия на книгу: Рощина Я.М. Социология потребления. М.: ГУ ВШЭ, 2007

Евгения Надеждина, к.культурн.н., доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ

О том, почему потребитель всегда прав, или Нечеловечески своевременная книга

Приходит детский писатель к читателям и говорит: «А я для вас новую книжечку написал – задачник по математике».

Это, наверное, все равно, что в день рождения вместо торта поставить тарелку с кашей.

Григорий Остер. Ненаглядное пособие по математике

Учебник Я.М. Рощиной «Социология потребления», как часто пишут в аннотациях к подобной литературе, может быть полезен не только студентам-социологам, изучающим упомянутый курс, но и всем тем, кто проявляет интерес к потреблению – краеугольному камню постиндустриальных цивилизаций. Как и почему потребитель делает выбор в пользу зеленого, а не красного, дорогого, а не дешевого? Приобретается автомобиль той или иной марки потому, что точно на такой модели ездит начальник отдела, или вопреки тому, что сосед купил «Ладу-Калину»? Потребительское поведение, точно хамелеон, изменяется стремительно, как и его мотивы, индивидуальные и групповые. Экономисты-теоретики, изучавшие рационального эгоистичного потребителя середины – конца XIX в., не могли и предположить существование альтруистического поведения, а институционалисты не принимали в расчет воздействие на потребление статусных мотивов. Однако в рамках экономической науки выработан исследовательский инструментарий, отвергать и критиковать который может только тот, кто им вполне владеет. И приращение человеческого капитала будущих социологов невозможно без знания о том, как изучается потребление в рамках смежных наук, в том числе экономики.

Ограниченность моделей потребительского поведения, выработанных неоклассической экономической теорией, была подвергнута критическому анализу социологией. Во втором разделе читатель познакомится с основными теориями формирования ценности вещи, с понятием стиля жизни – одной из ключевых категорий социологии потребления.

Третий раздел, посвященный развитию институтов потребления, читается как бестселлер. Ставший предметом анекдотов Макдональдс спровоцировал изменения не только в индустрии питания, но и в постиндустриальной культуре в целом, и этот процесс получил название «макдональдизация». Женщины действительно делают это иначе, чем мужчины. И турист, фотографирующийся на фоне Эйфелевой башни, никогда не узнает, как живут настоящие французы, потому что «чужак» никогда не проникает «за кулисы» повседневности в другой стране.

О том, как развивались основные сферы потребления, как изменялись вкусы и предпочтения потребителей и как они изучались в рамках социально-исторического, функционалистского, культурно-антропологического и структуралистского направлений, читатель узнает из четвертого раздела. Отдельная глава посвящена маркетинговому анализу потребительского поведения. Несомненный интерес для нового поколения социологов представит глава «Особенности потребления в СССР в 1930–1960-х гг.».

Отдельного упоминания достойны эрудиция и кропотливый труд автора по систематизации огромного перечня англоязычной научной литературы.

Есть все основания предполагать, что учебник Я.М. Рощиной «Социология потребления» не покроется пылью времен после того, как все вызубренное в рамках одноименного курса будет забыто.

Дмитрий Крылов

магистрант факультета
социологии ГУ ВШЭ, младший
научный сотрудник ЛЭСИ

Учиться можно не только всю жизнь, но и в любой точке планеты. Летняя школа в Финляндии, организованная профессором Высшей школы экономики Сергеем Медведевым и главой отдела общеобразовательной подготовки Хельсинкского университета Тапани Кааккуриниеми – лишнее тому подтверждение. Место проведения школы уникально: 35 км южнее Северного ледовитого океана, 400 км севернее Полярного круга, на территории биологической станции¹, откуда за 15–20 мин можно добраться до Швеции или Норвегии.

В августе (школа работала 10–21 августа 2008 г.) температура воздуха здесь редко поднимается выше 10 °С, а температура воды в находящемся рядом озере Килписъярви – 6–7 °С. В Финляндии насчитывается более 180 тыс. озер и 5 тыс. рек. Во всех можно купаться, а из 80% – пить воду, – рассказала участница школы, аспирантка Университета Тампере Айно Сипари. Восемнадцатичасовая поездка на автобусе по Финляндии, которую пришлось выдержать слушателям летней школы, оправдала себя красотой заполярной тундры, насыщенностью лекций и обсуждений, незабываемыми впечатлениями.

¹ Биологическая станция в Килписъярви принадлежит Хельсинкскому университету. Станция основана в 1946 г. для наблюдения за леммингами (грызунами длиной до 15 см, обитающими в горах Лапландии, Норвегии и Швеции). В настоящее время здесь ведется наблюдение за животными, птицами, растениями и почвой.

Учиться у Природы

Участники второй школы в Лапландии. Фото С. Филиной.

В ловушке

Образовательная часть школы состояла из лекций, дискуссий, презентаций участников и просмотра фильмов, объединенных экологической или северной проблематикой. Все это должно было раскрыть тематику поездки: значение Природы для человека в эпоху постмодернизма. «Эволюция человеческого рода прошла ряд этапов, и на каждом из них Природа играла особую роль, – пояснил во вводной лекции Сергей Медведев. – На первом, пре-модернистском, этапе Человек и Природа (Nature) являлись единым целым, люди полностью зависели от последней. На втором этапе между ними появляется медиатор – Вторая Природа (Second Nature), или Культура; человек стал различать Природу и Окружающую среду (Environment). На третьем, модернистском, этапе Культура делает попытки подчинить себе Природу и Человека. На последнем этапе она должна завершить этот процесс».

На современном этапе развития человек попал в «модернистскую ловушку», делая мир более «дружелюбным», «светлым», «безопасным», «комфортным», для чего ему требуется все больше и больше ресурсов, в том числе природных. Если природа становится мастерской, то человек превращается в ее рабочего, и постепенно теряет свободу действия, поскольку логика развития требует еще больше «мира»,

«предсказуемости» и «счастья». Выходом из этой ситуации, полагает Медведев, должна стать эмансипация Природы.

Его последующие лекции были направлены на ознакомление российских и финских студентов с культурологическими концепциями «модернизма» и «постмодернизма»: «Если подобрать метафору, которая наилучшим образом раскрывает понятие "модернизм", то ею будет дом, выполненный в архитектурном стиле классицизма. Метафора для "постмодернизма" – гипертекст, в котором все связано со всем, и откуда можно легко перепрыгнуть в другое пространство».

Три мира

Вопрос об изменении идентичности человека в разных эпохах (пре-модернизм, модернизм и постмодернизм) обсуждался после просмотра фильма «Кукушка» режиссера Александра Рогожкина. Сюжет фильма прост: Вторая мировая война. Лапландия. Финский снайпер Вейкко, приговоренный к смерти нацистами, но спасшийся от нее, бежит от войны домой. По дороге он попадает в жилище коренного народа финской Лапландии саами, управляемое одинокой женщиной по имени Анни; здесь встречает раненого русского солдата Ивана, также оказавшегося там случайно. В фильме три героя – Анни, олицетворяющая пре-модернизм, фин-

Озеро Килписъярви. Фото Д. Крылова.

ский и русский солдаты, принадлежащие модернистской эпохе, и зритель, взиравший на это со стороны – из эпохи постмодернизма, для которой нет ни границ, ни наций, ни войны. Все трое принадлежат разным мирам и говорят на разных языках в буквальном и переносном смысле. Идентичность женщины саами связана с Природой (она умеет общаться с духами, животными, слышать запахи других людей); идентичность Вейкко и Ивана строго зафиксирована, но связана с разными концепциями («гуманизм» и «пацифизм» Вейкко против «долга» и «борьбы с фашистами» Ивана); идентичность зрителя построена по иным правилам, которые раскрываются в течение всего фильма.

О том, как конструируется идентичность целой нации, прочитал лекцию сотрудник Хельсинкского университета Кааккуриниеми. Один из критериев, который ученые используют для отделения нации от народности, является миф о происхождении. Национальный миф о русских связан с основанием Киевской Руси. Другой критерий – миф о национальном характере – был вербализован в уваровском тезисе «Самодержавие, Православие, Народность». Характерная черта русской культуры и ее ценности описываются как единственно возможный способ

процветания человеческой жизни на земле. Из этого проистекает идея державности и Третьего Рима, считает Кааккуриниеми.

Три границы

Лекцию о функциях границы и ее значении для самоидентификации людей участники школы прослушали в необычном месте: в национальном парке, в котором находится точка пересечения трех государственных границ – Финляндии, Норвегии и Швеции. «Для Природы нет границ. Граница – продукт эпохи модернизма. В постмодернистскую эпоху все эти ограничители, в том числе географические, размыты», – объяснил Сергей Мед-

ведев. Дальнейшее обсуждение этого вопроса прошло во время пятнадцатичасовой пешей прогулки по нацпарку.

На следующий день вопрос о размытости границ обсуждался после просмотра фильма «Особенности национальной рыбалки». Наиболее интересная дискуссия среди финских и российских студентов возникла вокруг вопросов о значении для русских водки («Водка – универсальный медиатор», – квинтэссенция, которую выразил Медведев) и в устройстве социальных институтов в нашем государстве. «Институты в России работают по-особому, – поделился наблюдениями выпускник Университета Лапландии Лаури Лакиасуо. – Они выполняют совершенно иные функции, нежели должны были бы выполнять в нормативном смысле. Например, в фильме мы видим российский флот, который, мягко говоря, используется не по назначению (в одном из эпизодов герои отправляются на подводной лодке в Финляндию за забытыми ящиками водки. – Д.К.). При этом институт работает за счет социальных сетей, которые открывают доступ к его ресурсам (знакомство с капитаном подводной лодки дает возможность ее использовать так, как требует ситуация). Но что немаловажно, институты по этой причине работают в позитивном смысле эффективно».

Зеленый постмодернизм

Механическая рациональность, нестесненный никакими ограничениями гуманизм и концепция «Человек – повелитель природы» уходят в небытие в эпоху постмодернизма. Главная цель людей – воскресить то отношение к Природе, которое было в пре-модернистскую эпоху: говорить с ней на равных, а не свысока. Так в XX в. появляются два направления: инвайронментализм (от англ. environmentalism), выступающее против деструктивного от-

ношения человека к окружающей среде, и экологическое направление, рассматривающее человека как часть экосистемы (подобно другим животным и растениям человек должен поддерживать природное равновесие).

Из инвайронментализма в 1970-х гг. выросло движение «Зеленых», которое смогло привлечь внимание европейцев к своей идеологии. К примеру, в Германии на основе этого движения была создана «Партия Зеленых», вошедшая в правительство ГДР в конце 1990-х гг., – рассказал в одной из лекций студент факультета прикладной политологии «Вышки» Иван Сорокин. Об экофашизме и антиутопических размышлениях на «зеленую» тематику участникам школы рекомендовалось (факультативно) прочитать пьесу Владимира Сорокина «Щи», в которой известный писатель довел до абсурда идею борьбы за чистоту окружающей среды.

Помимо учебы

Студенты совершали восхождения на гору Саана – самую высокую точку местных окрестностей (1029 м), ездили на велосипедах в ближайший городок или в соседнюю Норвегию, сидели вокруг костра на оленьих шкурах в чуме (по-фински – коты) и, конечно же, парились в финской бане, с последующим погружением в заполярное озеро.

Участники школы также побывали на экскурсии в норвежском городе Тромсе. Там они посетили самый северный в мире университет (Университет Тромсе), гуляли по портовым улицам и улочкам, заходили в местные музеи и сувенирные магазины. На обратном пути в Россию была сделана остановка в Хельсинки, где каждый участник школы имел возможность провести время в зависимости от своих потребностей. Без купания в водах Балтийского моря посещение столицы Финляндии не обошлось.

Следующая, третья по счету, летняя школа в финской Лапландии пройдет в августе 2009 г. Не стоит упускать шанс посетить это удивительное по красоте место и поучиться у Природы тому, что каждый считает нужным.

Москва–Краков–Москва: путевые заметки лягушки-наукопутешественницы

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Так мой список «добрых дел» на май-июнь стал в два раза длиннее. Предстояло найти финансирование, решить организационные вопросы, подготовить доклад, а также свыкнуться с мыслью о том, что путь до конференции, общение и выступление на ней будут на английском языке. Раньше все эти три задачи проходили в моем сознании под грифом «нереальное парилово, за которое и браться не стоит». Но жизнь заставила взяться за дело. Поэтому делюсь впечатлениями о содеянном. Вдруг кому-нибудь пригодится...

Дорогой факультет, дай воды напиться...

...а то есть так хочется, что даже в Кракове переночевать негде.

Не знаю как в других университетах, но в «Вышке» процесс подачи заявки на грант для участия в научном мероприятии за рубежом оказался вполне доступным. Главное – иметь подтверждение, что твой доклад будет заслушан. Полезно также сообщить, о чем ты в этом докладе будешь рассказывать. Все остальное – технические формальности. Добавлю, что сотрудники ГУ ВШЭ подобные гранты могут получить как на своих факультетах, так и через общеуниверситетский Научный фонд³.

Тридцать дней до эшафота

Подготовка доклада для международной конференции практически ничем не отличается от подготовки к выступлению на малой научной Родине, ничем, кроме языка (хотя для многих и это не проблема). Серьезным подспорьем здесь, наряду с пятнадцатиминутным докладом и двадцатислайдовой презентацией, может послужить предназначенный для раздачи текст, в простонародье –

В июле 2008 г. в Академии горно-добывающей промышленности Кракова состоялась конференция «Экономика в обществе. Актеры, взаимоотношения, институты»¹. Из названия понятно, что конференция была местом встречи экономсоциологов, которую устроили члены исследовательской сети «Экономическая социология» Европейской социологической ассоциации.

Лично я узнала о конференции от коллеги, которая обычно трепетно заботится о том, чтобы новостная лента сайта ЛЭСИ² выглядела прилично. Новость заинтриговала, но не сильно. Большой удачей показалось то, что моя тема соответствовала проблематике конференции, а, значит, можно было с чистой совестью посылать заявку. Казалось очевидным, что к выступлению меня не допустят, но зато какая замечательная практика по заполнению «application form»!

Ровно через месяц мне написали, что я попала. Сильно. В круг участников конференции, выступающих с докладом.

¹ The 2008 Interim Conference of the Research Network of Economic Sociology of the ESA – Economy in Society. Actors, Relations, Institutions // http://www.wnss.agh.edu.pl/esa_esrn_conference/.

² См.: <http://ecsoclab.hse.ru>.

³ Научный фонд ГУ-ВШЭ // <http://new.hse.ru/C13/C18/rf/default.aspx>.

«rareg». Хотя организаторы конференции в Кракове по доброте душевной такого подвига не требовали, но «rareg» сочинять все-таки пришлось – из гордости, поскольку коллеги это делали, а оказаться на их фоне без «rareg» – моветон. Потраченное на эту «бумажку» время окупилось сторицей. Во-первых, после написания двадцатистраничного текста сделать доклад на 15 мин не составляет труда. Во-вторых, ответить на вопросы из зала после мучительного освоения специальной лексики для «rareg» намного легче. В-третьих, заранее подготовленный текст позволяет подстраховаться на случай каверзного вопроса – просто говоришь: советую почитать мою «rareg».

«Первое, второе, третье, а компот?»

Программа конференции «Экономика в обществе. Акторы, взаимоотношения, институты» была рассчитана на три дня. В первый день, так сказать, «на закуску» были открытие конференции и выступления PhD-студентов из разных европейских университетов. Во второй день в качестве «главного блюда» «подавались» доклады мэтров экономической социологии, среди которых в Кракове были, например, Дьердь Ленгель и Вадим Радаев. Ну, и в третий день, так сказать «на десерт», выступил на пленарном заседании бывший министр финансов Польши Лешек Балцеревич, а также классик экономической социологии Иван Селеньи.

Все выступления докладчиков были организованы в сессии, прохо-

дившие по три или четыре в день. Темы сессий были вполне привычными для российского экономсоциолога:

- проблемы современного рынка труда;
- переменчивое лицо консьюмеризма;
- различные аспекты социальной организации экономической жизни;
- предпринимательство.

Чуть более экзотичными для российского уха были вопросы, сопряженные с деятельностью Евросоюза. Хотя актуальность этих вопросов в большей степени ощущалась в беседах на кофе-брейках.

Как бы отдых

Про кофе-брейки стоит упомянуть отдельно. Учитывая, что доклады были рассчитаны на четверть часа, а на комментарии слушателей отводили в лучшем случае по 5–10 мин, основной feedback приходился именно на кофе-брейки.

Здесь были возможности и обсудить исследовательские вопросы с коллегами, работающими на смежном поле, и пообщаться на социологические и жизненные темы, и завязать полезные знакомства. Так что кофе-брейки – отнюдь не праздное времяпровождение, а важный инструмент налажива-

ния связей и развития международной исследовательской сети.

Как это было, или О паре докладов замолвите слово

Рассказать обо всех двадцати пяти докладах, представленных на конференции, в короткой заметке вряд ли удастся. К тому же в ближайшее время будет опубликован сборник текстов по мотивам выступлений участников краковской встречи, а резюме докладов уже сейчас опубликованы на сайте конференции. Однако пару слов об особенно запомнившемся все-таки скажу.

Начну с выступления *Дьердя Ленгеля*⁴. Перспектива увидеть этого человека манила с самого начала – именно этот венгерский социолог в компании с Ричардом Сведбергом основал в Европейской социологической ассоциации исследовательскую сеть по экономической социологии, на конференцию которой мы, собственно, и приехали. Профессиональные интересы Ленгеля сконцентрированы в первую очередь на изучении элит. В Кракове он выступал с докладом «Политические и экономические элиты в контексте европейской

⁴ Д. Ленгель [Georgy Lengyel] – профессор социологии Будапештского университета экономических наук и государственного управления, Венгрия.

Рыночная площадь в Кракове, вид на Марицкий костел и памятник Адаму Мицкевичу

интеграции». Имея в распоряжении данные опроса представителей элит из 18 стран – членов Евросоюза, Ленгель проанализировал установки элит в отношении европейской экономической интеграции. Выяснилось, что в то время как в «Вышеградской группе» стран элиты поддерживают стремление Евросоюза к созданию единого европейского рынка, в средиземноморских странах они опасаются, что издержки интеграции (в частности, отказ от контроля над национальной экономической политикой) окажутся слишком велики.

Вовремя распознать второго венгерского социолога – guest star краковской конференции *Ивана Селеньи* – мне помешало собственное невежество. Кто знал, что указанная в программе фамилия «Szelenyi» принадлежит известному мне еще по учебнику под редакцией О.И. Шкаратана и В.В. Радаева специалисту по социальной стратификации? В Кракове профессор социологии Йельского университета (США) Иван Селеньи выступал с докладом «Реформируя государства благосостояния после социализма – сравнительные перспективы». Развивая концепцию множественности форм капитализма, Селеньи обратился к анализу противоречий, возникающих при проведении социальных реформ в странах Центральной Европы, и поставил перед аудиторией непростой вопрос: почему страны либерального капитализма оказались в ситуации «второго кризиса перехода», тогда как страны с неопатримониальным режимом, например Россия, демонстрируют рост экономических и социальных показателей?

Впрочем, научная конференция – это не место для простых вопросов. Темы всех представленных докладов заслуживали внимания и обсуждения, а у каждого выступающего было чему поучиться.

Так, мне особенно понравился доклад португальского исследователя *Рафаэля Маркеша*⁵ об экономической социологии Габриэля Тарда.

⁵ Р. Маркеш [Rafael Marques] – профессор социологии Технического университета Лиссабона, Португалия.

Источник: http://www.wnss.agh.edu.pl/esa_conference/gal.php

Участники конференции в Величках

Не слышали о такой? А Рафаэль Маркеш попытался реконструировать ее из работ вышеупомянутого социолога, известного прежде всего благодаря своей психологии массового поведения. По мнению Маркеша, Тард с не меньшим основанием чем, например, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Вернер Зомбарт, Георг Зиммель, Вильфредо Парето или Йозеф Шумпетер может быть причислен к лагерю классиков социологии. Да, в отличие от многих ученых, Тард не фокусировался на труде, предпринимательстве или рынках, зато он задумывался о роли досуга в хозяйственной жизни человека, считая, что именно свободное время – это время для творчества, а значит, и для инноваций – первоосновы современных хозяйств. Поэтому изучение работ Г. Тарда вполне своевременно, и делать это надо, в том числе и экономосоциологам.

Запечатлелось в памяти выступление *Лешека Балцеровича*⁶ – бывшего политика, сменившего поле деятельности и теперь занимающегося наукой. Его доклад был посвящен роли институтов в социальных исследованиях. Вызвали интерес не столько его рассуждения об институционализме (по этому вопросу существуют и более глубокие изыска-

⁶ Л. Балцерович [Leszek Balcerowicz] – профессор Варшавской школы экономики, Польша.

ния), сколько манера презентации доклада. Знающие люди утверждают, что политиков учат навыкам выступлений, умению увлечь публику, завоевывать ее внимание. По-видимому, при составлении учебных планов для социологов стоит также задуматься о курсах, развивающих подобные навыки. Да и молодым преподавателям занятия такого рода пригодились бы. Впрочем, можно обойтись и без курсов: самосовершенствование по силам каждому; главное – найти подходящий формат для тренировок. Так, например, немецкому исследователю *Себастьяну Кусу*⁷, также блеснувшему на конференции мастерством докладчика, по его признанию, помогли занятия в театральной студии. После участия в «Гамлете» убедить коллег в том, что этическое потребление в Европе существует, а студентов – в том, что экономическая социология – важный предмет, не составляет труда.

Польские dumplings в условиях экономико-социологического Esperanto

Очень приятным открытием для меня стало ощущение схожести профессионального бэкграунда собравшихся на конференции исследовате-

⁷ С. Кус [Sebastian Koos] – PhD-студент Университета Мангейма, Германия.

Слева на право: Мария Навойчик, Лешек Балцерович, Иван Селеньи

лей. Терминологический аппарат, теоретические работы, исследовательские подходы и концепции, методологические проблемы – все было хорошо знакомо. Живя в разных странах и общаясь друг с другом по-английски, все собравшиеся тем не менее говорили на едином профессиональном языке. Приятно было осознавать, что на нашей кафедре экономико-социологического языка его преподают на очень высоком, и главное – конвенциональном уровне. В связи с этим не могу не упомянуть выступление профессора ГУ ВШЭ Вадима Радаева, который в Кракове представил доклад «Между экономической борьбой и социальными связями: конкурентные взаимоотношения на розничном рынке России». И дело совсем не в теме его доклада. Она была вполне классической. Дело в атмосфере, царившей во время его выступления. Представьте: международная конференция, исследователи из разных стран, обсуждение на английском языке, и вдруг неожиданно мысль – «надо же, все как дома». И речь идет не о том, что дома всегда лучше, а том, что именно в этот момент осознаешь! Российская экономсоциология, несмотря на молодой возраст, может говорить с европейской наукой на равных. Начало уже положено. Кстати, В. Радаев на конференции в Кракове не только успел побыть в роли докладчика, но и блестяще выступил в роли модератора одной из рабочих сессий. В общем, на конференции господствовала полная гармония во всем –

в исследовательских подходах, во взглядах на социологические проблемы. Разошлись лишь во взглядах на пельмени (dumplings) – поляки утверждали, что это их национальное блюдо, а мы как благодарные гости отнеслись к их заблуждению с вежливым снисхождением.

Резюме поездки. Классическое

Прежде чем писать о собственных впечатлениях от поездки, я перечитала неформальные заметки, которые студенты-социологи готовят родному факультету в благодар-

ность за возможность прохождения преддипломной практики за рубежом. Так вот все эти заметки заканчиваются одинаковым выводом – ездить надо. Я полностью с этим согласна. Надо ездить несмотря на страхи перед необходимостью общаться на чужом языке. Потому что, например, участие в международной конференции – это, во-первых, серьезный стимул поработать над собой, своими профессиональными навыками, дабы не ударить в грязь лицом. Во-вторых, это возможность познакомиться и пообщаться с коллегами из западных университетов, где зародилась и продолжает развиваться экономическая социология. В-третьих, огромный импульс для дальнейшей работы. После конференции остается стойкое ощущение целесообразности, осмысленности исследовательской работы. В конце концов, раз экономико-социологические исследования проводят по всему миру, значит, это кому-нибудь нужно...

А знание языка... За пределами Родины иностранный язык – уже не предмет роскоши, а средство выживания, потому и говорить начинаешь быстрее – выбора-то нет. А то что говоришь с ошибками... Так прислушайтесь... на родном языке мы разве без ошибок говорим? ☺

Мнение эксперта

Зарисовки Кракова Зоя Котельникова

Определенно, Краков или, как его официально называют, Королевский столичный город Краков – это визитная карточка Польши, один из древнейших и красивейших городов Европы. Здесь 39 костелов, 25 монастырей, 7 синагог. И конечно же, потрясающий своей эклектикой королевский замок Вавель – усыпальница польских королей и великих поэтов, расположенный на холме с видом на Вислу.

Да, Краков – город восхитительный, хотя график конференции для экономсоциологов (рабочий день начинался в 8.30, а заканчивался в 18.30), позволил нам увидеть немного. Однако мы все же побывали в старом городе, посетили Вавель и Краковский университет. Кроме того, организаторы конференции преподнесли нам настоящий сюрприз, устроив прощальный ужин (closing dinner) в Величках.

Велички – это соляная шахта. Каково было удивление моей подруги, которая на свой вопрос в sms-сообщении «Как дела? Что делаешь?» получила от меня ответ: «Все нормально: сидим, ужинаем на глубине 135 м ниже уровня моря в шахте по добыче соли».

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, руководитель ЛЭСИ

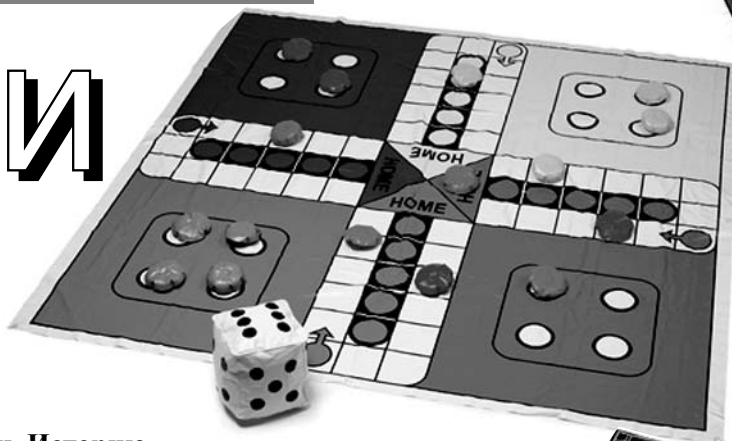
Азбука экономсоциолога

НН

Нормы Не Нужно
Низводить до Нуля.
Напомним: Нобелевкой
Норта Наградили Не зря.

ИИ

Исследовать Историю
Истины для
И Искать Институты –
Интереснейшая Игра!

Кк

От Канта с Контом до Каллона
Культурно с Книгой Коротал.
Не Костеней в Карьерной Кофе,
Копи Культурный Капитал!

Хх

Хмуро по Холодной Хате
Ходит Хабитус в Халате.

Без Экспрессий и Эклектики
Экономические Экзерсисы:
Эгоисты без Этики
Эксплуатируют Эгоистов.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии, руководитель ЛЭСИ, первый проректор ГУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Мария Правдина

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор
(дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору **Кларе Мироновне Канюк**

Корректору **Елене Евгеньевне Андреевой**

НАШИ АВТОРЫ

Сергей Медведев

к.ист.н., профессор кафедры прикладной политологии ГУ ВШЭ

Дэвид Грациан

профессор социологии Университета Пенсильвании (США)

Дмитрий Крылов

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

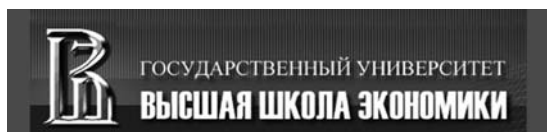
Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, руководитель ЛЭСИ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: ecsoclab.hse.ru

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца

При финансовой поддержке Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера: ecsoclab.hse.ru